

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.53-64

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУР НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В АНГЛИЙСКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.Д. Алимova

*Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, 119034, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрено функционирование несобственно-прямой речи в диахронической перспективе. Проведен количественный и в меньшей мере качественный анализ структур несобственно-прямой речи в английской, американской и русской литературе XX в. Установлено, что различия в частотности употребления данного художественного приема прослеживаются не только в английской, американской и русской литературе в общем, но и в художественных произведениях, написанных в разные десятилетия и разными авторами в рамках одной литературной традиции. Согласно результатам сопоставительного анализа эволюция моделей функционирования несобственно-прямой речи происходит в сторону нарастания интерференции текста автора и текста персонажа, однако скорость и качество подобных изменений также варьируются в зависимости от литературной традиции. Полученные данные представляют ценность для практики перевода произведений художественной литературы в языковой паре «английский – русский», а также могут использоваться в дальнейших переводоведческих исследованиях, посвященных передаче несобственно-прямой речи при переводе.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, перевод, переводоведение, лингвистика, диахрония, текстовая интерференция

Введение

Несобственно-прямая речь (НПР) стала объектом научного изучения еще в XIX в. [1, с. 139], поэтому на данном этапе развития научной мысли существует немало ее определений. С точки зрения лингвистического переводоведения мы будем понимать под НПР такой художественный прием, который строится на основе взаимодействия (интерференции) текста автора и текста персонажа и служит для передачи речи, особенностей мышления или восприятия последнего, что на формальном уровне проявляется во включении в повествовательные структуры отдельных языковых единиц, отождествляемых с характерными чертами речи персонажа.

Как художественный прием НПР окончательно оформилась в XX в. [2, с. 238]. Вследствие этого именно на двадцатое столетие приходится основной этап ее развития: НПР начинает проникать в различные жанры, появляются новые ее типы, расширяется арсенал языковых средств, с помощью которых достигается

интерференция¹ текста автора и текста персонажа [3, с. 221]. Соответственно, возникает необходимость выявить основные закономерности передачи НПР при переводе и разработать стратегии передачи этого изобразительного средства, в данном случае – в языковой паре «английский – русский».

Однако для достижения этой цели требуется определить основные модели функционирования НПР в английской, американской и русской литературе и установить систему соответствий между структурами НПР в английском и русском языках. Важную роль здесь играет как литературный процесс, так и типологические различия языков, поскольку исследуются языки разных типов: если английский считается типичным аналитическим языком, то русский, несмотря на наличие некоторых черт аналитизма, всё же является языком синтетического строя [4, с. 168]. И в этом смысле русскую литературу можно противопоставить англоязычной (включающей произведения, написанные на английском языке, но представляющие разные страны и литературные традиции). Кроме того, возникает потребность рассмотрения структур НПР в диахронической перспективе, причем не только в качественном, но и в количественном аспекте. Преимущественно последнему и посвящена настоящая статья. Ведь, как отмечает финская исследовательница И. Вехмас-Лехто, многие «скрытые ошибки» (“covert errors”) при переводе связаны именно с нарушением частотности использования тех или иных структур как в языке вообще, так и в текстах определенной стилистической принадлежности [5, р. 19, 27–28], а частотность употребления структур может выступать в качестве характеристики текста [5, р. 45].

Актуальность и новизна исследования

Как упоминалось выше, изучать НПР начали в конце XIX в.: в 1887 г. швейцарский исследователь А. Тоблер опубликовал статью, в которой впервые описал НПР как особую форму чужой речи [1, с. 137]. С тех пор было проведено немало исследований, в которых рассматривались, в частности, структуры НПР в русском и английском языках, однако большинство работ посвящено синхронному описанию данного художественного приема: в творчестве отдельного автора [6–8], в конкретном языке [9], в рамках определенной литературной традиции [10; 11], в аспекте перевода с одного языка на другой [12]. При этом немало работ связано с определением места НПР в системе способов передачи чужой речи [13–15], структурно-семантическими особенностями НПР [16], спецификой функционирования указанного литературного приема в тексте [17], различными подходами к классификации рассматриваемых структур [18]. Бесспорно, все эти аспекты весьма значимы для исследования НПР с точки зрения перевода, однако не менее важно проследить, как изменялся данный прием на протяжении двадцатого столетия. Ведь текст оригинала, с которым имеет дело переводчик, нельзя представить в отрыве от литературной традиции, а она, в свою очередь, тоже не статична. Ее эволюция как единого целого влечет за собой изменение отдельных структурных элементов текста, в частности и такого приема, как НПР. Соответственно,

¹ Под текстовой интерференцией, согласно определению В. Шмида, понимается характерное для художественной прозы гибридное явление, в рамках которого собственно повествование совмещается с текстом персонажа [3, с. 199].

рассматривая НПП в произведении, написанном на том или ином языке, нельзя обойти стороной вопрос о том, как картина моделей НПП в конкретном тексте вписывается в рамки литературной традиции этого языка, привнес ли автор что-то новое в использование приема. Если же рассматривать задачу перевода этого текста, то следует соотнести модели НПП в исходном языке с моделями НПП в переводящем языке (парадигма которых эволюционирует каждая по-своему). Следовательно, необходимо рассмотреть структуры НПП в двух языках в диахронической перспективе, отметить тенденции количественного и качественного изменения, причем как общие, так и характерные для каждой литературной традиции в отдельности, что и обуславливает необходимость проведения данного исследования.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили художественные произведения, написанные в XX в. Для анализа были отобраны прозаические произведения 30 русскоязычных авторов, 30 английских и 30 американских писателей с соблюдением такого условия, чтобы на каждое десятилетие приходилось хотя бы одно. Несмотря на то что современные ученые склонны рассматривать НПП как явление, которое встречается в повествовании различных типов и различной временной организации [3, с. 229; 15], нами были отобраны произведения или их главы, в которых повествование ведется от третьего лица, поскольку, на наш взгляд, это позволяет более точно определить границы НПП в целом и описать языковые структуры, с помощью которых достигается текстовая интерференция.

Основным методом исследования стал количественный анализ, а именно оценка частотности НПП. В каждом отдельном произведении для рассмотрения был выбран отрывок, соответствующий описанным выше параметрам, объемом около 55000 печатных знаков с пробелами. Данный объем можно считать достаточным, поскольку, согласно результатам проведенного Т.В. Батурой исследования, текстовая выборка объемом 20000–25000 символов позволяет установить авторство текста с вероятностью 95–98% [19, с. 91]. Следовательно, можно утверждать, что установленный объем репрезентативен для анализа стиля автора как в плане характеристики используемых им языковых единиц различных уровней, так и в плане частотности употребления этих единиц.

В целях описания структур НПП в количественном аспекте за единицу брался один фрагмент текста, то есть законченный в смысловом плане отрывок, содержащий НПП и ее текстовое окружение, которое позволяет идентифицировать исследуемый прием. При этом протяженность НПП для подсчета количества употреблений не учитывалась: содержащий НПП фрагмент текста может быть представлен частью сложного предложения, предложением, несколькими предложениями или целым абзацем. В последнем случае считаем уместным говорить о несобственно-прямом монологе, под которым понимаем развернутое высказывание или размышления персонажа, оформленные структурами НПП и представляющие собой ее разновидность. Такой исследовательский подход обусловлен рассмотрением несобственно-прямого монолога с позиций лингвистики, то есть в плане совпадения языковых структур НПП в узком смысле (в виде отдельного предложения) и несобственно-прямого монолога. При этом, например, в случае

исследования данного художественного приема с точки зрения нарратологии несобственно-прямой монолог рассматривается как разновидность внутреннего монолога. Так, В. Шмид описывает несобственно-прямой монолог как внутреннюю речь, которая «расширяется» и передается в шаблонах НПП [3, с. 211, 227].

В целях установления качественных изменений структур НПП в диахронической перспективе использовались такие методы, как семантико-синтаксический, сопоставительный и контекстуальный анализ. Контекстуальный анализ применялся для выявления структур НПП в тексте: поскольку прием представляет собой интерференцию текста автора и текста персонажа, необходимо противопоставить структуры НПП окружающему их авторскому повествованию. Это касается как появления языковых маркеров НПП, так и переключения точки зрения на уровне смысла. Применение семантико-синтаксического анализа обусловлено необходимостью рассмотреть синтаксическую структуру каждого фрагмента текста, содержащего НПП, а также установить, что в отрывке отражена позиция не автора, а персонажа. Сопоставительный анализ использовался с целью сравнить качественные характеристики НПП в произведениях разных десятилетий XX в.

Количественные изменения несобственно-прямой речи

В ходе исследования была проанализирована частотность структур НПП в английской, американской и русской литературе как XX в. в целом, так и каждого отдельного десятилетия данного периода.

В результате анализа было выявлено следующее количество фрагментов текста, содержащих НПП: в русской литературе – 481, в английской – 787, в американской – 570. Таким образом, можно сделать вывод, что частотность НПП в английской литературе самая высокая и превышает таковую в русской литературе примерно в 1.6 раза, в американской – примерно в 1.4 раза. Количество фрагментов текста, содержащих НПП, в американской и русской литературе различается в меньшей степени – в 1.2 раза.

Однако значимым представляется и рассмотрение изменения частотности структур НПП от десятилетия к десятилетию. Полученные результаты представлены на рис. 1. Отметим, что расчет частотности производился по среднему количеству фрагментов текста, содержащих НПП, на страницу (1800 печатных знаков с пробелами). Из графика следует, что соотношение количества фрагментов текста, содержащих НПП, в русской, английской и американской литературе в разных десятилетиях XX в. не совпадает.

Кроме того, различие заметно и в процессе изменения частотности НПП в каждой отдельной литературной традиции. Так, частотность художественного приема в американской литературе изменяется гораздо более плавно (особенно в период с 30-х по 70-е годы XX в.), чем в английской и русской. Наиболее яркое отличие в количественных характеристиках НПП прослеживается в литературе начала XX в. Именно в этот период НПП в английской литературе переживает подъем. Это связано, в частности, с творчеством таких писателей, как Дж. Джойс, В. Вулф, Д.Г. Лоуренс, в построении произведений которых структуры НПП играют первостепенную роль. Для того чтобы приоткрыть перед читателем завесу внутреннего мира персонажей, познакомить с их мыслями и переживаниями,

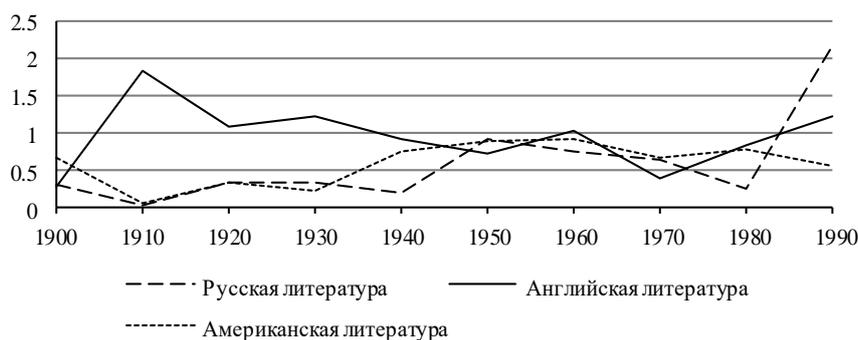

Рис. 1. Изменение частотности НПР в XX в.

авторы прибегают к разнообразным моделям НПР, различающимся как по языковому оформлению, так и по выполняемым функциям. Частотна и такая разновидность НПР, как несобственно-прямой монолог.

Например, в романе Дж. Джойса «Портрет художника в юности» (Joyce J. “A Portrait of the Artist as a Young Man”) можно отнести к несобственно-прямому монологу следующий фрагмент текста, содержащий НПР:

(1) He tried to think what a big thought that must be; but he could only think of God. God was God's name just as his name was Stephen. *Dieu* was the French for God and that was God's name too; and when anyone prayed to God and said *Dieu* then God knew at once that it was a French person that was praying. But, though there were different names for God in all the different languages in the world and God understood what all the people who prayed said in their different languages, still God remained always the same God and God's real name was God (P.A.Y.M., p. 15).

Он попытался представить себе эту огромную мысль, но ему представлялся только Бог. Бог – так зовут Бога, так же как его зовут Стивен. *Dieu* – так будет Бог по-французски, и так тоже зовут Бога, и, когда кто-нибудь молится Богу и говорит *Dieu*, Бог сразу понимает, что это молится француз. Но хотя у Бога разные имена на разных языках и Бог понимает всё, что говорят люди, которые молятся по-разному на своих языках, все-таки Бог всегда остается тем же Богом, и его настоящее имя Бог (пер. М. Богословской-Бобровой)².

Различия в частотности НПР в произведениях русской, английской и американской литератур начинают сглаживаться с 50-х годов XX в. Так называемый «послевоенный период» характеризуется обращением к внутреннему миру человека, поиском ответов на мировоззренческие вопросы и, соответственно, обновлением принципов построения литературных произведений [20, с. 439–441, 469; 21, с. 10]. В частности, как и при любой смене литературного направления, изменения коснулись языковой стороны произведения, а НПР, по всей видимости, представлялась писателям той эпохи подходящим изобразительным средством для передачи ментальных процессов, чувств и особенностей восприятия персонажей, что, по мнению многих исследователей, является основной целью использования данного приема в художественной литературе [11, с. 242; 17, р. 34; 22, р. 13–14].

² Здесь и далее приводятся опубликованные переводы произведений с целью познакомить читателя с содержанием анализируемого отрывка. Оценка качества перевода и рассмотрение альтернативных вариантов не входит в задачи настоящего исследования.

К концу столетия подъем в использовании НПР наблюдается в русской и английской литературе. Это, в частности, нашло отражение (что подтверждает наша выборка) в творчестве В. Маканина, У. Бойда, Т. Пратчетта соответственно. В американской литературе, наоборот, происходит небольшой спад.

Как видно из проведенного количественного анализа, НПР присутствует в художественных произведениях, относящихся к различным направлениям литературы. Это можно объяснить широким диапазоном выполняемых данным приемом функций. С одной стороны, автор может ставить себе задачу с помощью НПР предоставить возможность читателю якобы объективно наблюдать за внутренним миром персонажа и делать собственные выводы. С другой стороны, писатель сам получает возможность, используя НПР, «подсвечивать» наиболее важные для развития сюжета и характеристики персонажа ментальные процессы. Кроме того, НПР может быть использована для создания речевой характеристики персонажа. В большей степени это касается произнесенной речи, но и мысли героя нередко преподносятся писателем с сохранением особенностей его речи [13, с. 273; 11, с. 236].

Однако следует отметить, что при анализе частотности НПР в литературе в рамках переводоведческого исследования, помимо общих тенденций изменения количества употреблений НПР на протяжении XX в., следует учитывать и ее частотность в творчестве каждого отдельного писателя, ведь подобный показатель можно считать чертой индивидуального стиля автора, которая должна найти отражение при переводе. Так, частотность НПР даже в произведениях, написанных в один год, может различаться, например, романы А. Кронины «Замок Броуди»³ и А. Милна «Двое»⁴ написаны в 1931 г., однако в первом НПР используется в три раза чаще, чем во втором (49 и 16 употреблений соответственно).

Качественные изменения несобственно-прямой речи

Говоря о качественных изменениях НПР в диахронической перспективе, считаем нужным упомянуть, что с течением времени модифицируются не только языковые структуры данного художественного приема, но и выполняемые им функции. Так, одной из глобальных функций НПР, которые будут реализовываться в любом тексте, является та, которую мы назовем сюжетообразующей. Эта функция подразумевает, что НПР будет служить для передачи произнесенной речи, мыслительных процессов, чувств или особенностей восприятия персонажей [23, с. 51–54; 17, р. 31–32; 11, с. 242; 3, с. 224]. При этом, как нам представляется, отдельные реализации глобальной функции можно расположить на условной шкале, где на одном конце будет находиться функция передачи особенностей восприятия персонажа, отличающейся минимальной степенью вербализации, а на другом – передача произнесенной речи, то есть максимальная степень вербализации. Последняя, к слову, может представлять собой передачу речи персонажа как непосредственным нарратором, так и другим персонажем. Середину шкалы, а именно передачу мыслей и чувств героя, можно

³ Cronin A.J. *Hatter's Castle*. London: Pan Macmillan, 2016. 632 p.

⁴ Milne A.A. *Two People*. London: Pan Macmillan, 2017. 304 p.

рассматривать как основную сферу функционирования рассматриваемого литературного приема.

Согласно месту, занимаемому указанной функцией на данной шкале, будет варьироваться и степень текстовой интерференции НПР. Чем менее речь персонажа вербализована, тем выше степень текстовой интерференции, тем сложнее провести черту между текстом автора и текстом персонажа и, соответственно, распознать НПР в контексте. Следует отметить, что с опорой на предложенные И.И. Ковтуновой подходы к классификации НПР [11, с. 238–240] можно сделать вывод, что модели с более высокой степенью текстовой интерференции во многих случаях реализуются лишь на уровне синтаксиса, в то время как модели передачи произнесенной речи обыкновенно, помимо синтаксиса, включают в себя и маркированные лексические единицы, позволяющие отнести данный фрагмент текста к речи персонажа.

Проведенное исследование показало, что в историческом плане первичны были более очевидные, простые модели НПР с менее выраженной степенью текстовой интерференции, в которых обычно присутствуют вводные конструкции: глаголы мышления, именные или глагольные обороты, передающие чувства персонажа. По мере усложнения структуры возрастала и степень текстовой интерференции. В более поздних произведениях в ряде случаев на присутствие в тексте НПР указывает лишь контекст и смысловая позиция персонажа. При этом более очевидные модели не исчезают, а дополняют модели с более высокой степенью текстовой интерференции, позволяя писателю варьировать средства выражения НПР.

Так, в качестве примера НПР с менее выраженной степенью текстовой интерференции можно привести следующий фрагмент текста из рассказа А.П. Чехова «Архиерей»:

(2) И преосвященному опять стало досадно и потом обидно, что с чужими старуха держала себя обыкновенно и просто, с ним же, с сыном, робела, говорила редко и не то, что хотела, и даже, как казалось ему, все эти дни в его присутствии все искала предлога, чтобы встать, так как стеснялась сидеть. А отец? Тот, вероятно, если бы был жив, не мог бы выговорить при нем ни одного слова... (А., с. 461).

Здесь переход от текста автора к НПР маркируется вопросом «А отец?», который, по существу, персонаж задает сам, и следом, в отличие от риторического вопроса, сразу же идет ответ в виде текстовой интерференции: речь персонажа с сохранением третьего лица повествования. При этом на смысловую позицию персонажа указывает также и вводное слово «вероятно» – показатель эпистемической модальности. Кроме того, имеются дистантные вводные конструкции, которые указывают на чувственно-ментальные процессы и оформлены лексически с помощью наречия «обидно» и глагола «казалось».

Следует отметить, что, помимо повышения степени текстовой интерференции, писатели с течением времени начинают прибегать к более смелым моделям НПР, в частности чаще вводят лексические и синтаксические единицы, характеризующие речь персонажа. Это позволяет автору включать оценку персонажем происходящих событий непосредственно в повествование, не переходя к использованию прямой или косвенной речи. В результате данный художественный прием может пронизывать весь нарратив, как в романе В. Маканина «Лаз»:

(3) Ключарев выходит из медпункта, ощущая на теле все четыре наклейки, где йодистый пластырь, но к ним, говорят, скоро привыкаешь. Зато сам бинт при движении не чувствуется (Л., с. 290).

В этом примере НПР представляет собой часть сложного предложения и отдельное простое предложение. Начало «...но к ним, говорят, скоро привыкаешь», несмотря на наличие глагола речи «говорят» в функции сказуемого неопределенно-личного предложения, отражает мысли Ключарева, что подтверждается следующим простым предложением, передающим ощущения персонажа. Здесь НПР представлена синтаксическими структурами, характерными для разговорной речи, однако не маркирована вводящими конструкциями.

Подобную тенденцию можно заметить и в англоязычной литературе. Так, НПР в романе Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» (Galsworthy J. “The Forsyte Saga”) также маркируется вводящей конструкцией с глаголом *knew*, вынесенной за пределы непосредственных структур НПР, а кроме того – экспрессивным синтаксисом: повтором *they said*, неоконченностью мысли героини, вводным словом *of course*, выражающим уверенность персонажа в правдивости утверждения:

(4) Aunt Ann did not ask him to explain this strange utterance. She knew what he was thinking. If Irene had no money she would not be so foolish as to do anything wrong; they said – they said – she had been asking for a separate room; but, of course, Soames had not... (F. S., p. 8).

Тетя Энн не попросила разъяснить это странное заявление. Она поняла мысль брата. Если у Ирэн нет своих средств, значит, она не наделает ошибок; потому что ходили слухи... ходили слухи, будто она просит отдельную комнату, но Сомс, конечно, не... (пер. Н. Волжиной).

В то же время в романе Т. Пратчетта «Угонщики» (Pratchett T. “Truckers”) можно найти пример НПР с более высокой степенью текстовой интерференции:

(5) None of it made any sense. Vast cans loomed above him. There were huge pieces of metal that had a made look about them. This was definitely apart of a human heaven. Humans liked metal (T., p. 23).

Вещи вокруг были лишены всякого смысла. Какие-то пустые жестянки, в несколько раз выше нома, куски металла, непонятно для чего предназначенные. Нет, несомненно, эти Небеса предназначались для людей. Люди любят металл (пер. А. Нестерова).

Здесь НПР представлена двумя простыми предложениями “This was definitely apart of a human heaven. Humans liked metal”. Вводящие конструкции отсутствуют, и соотносить данный фрагмент текста с мыслями персонажа можно только опираясь на контекст, который дает понять, что передана именно точка зрения персонажа. При этом в качестве одного из маркеров НПР можно рассматривать наречие *definitely*, выражающее модальность.

Однако в англоязычной литературе развитие НПР все же происходит гораздо быстрее, и уже в произведениях начала XX в. можно встретить структуры НПР с более высокой степенью текстовой интерференции.

К тому же следует отметить, что разные писатели, в зависимости от поставленных целей, отдают предпочтение различным моделям НПР. Таким образом, нельзя утверждать, что авторы более позднего периода отказываются от употребления моделей, более распространенных в начале века, наоборот, они, скорее, расширяют арсенал моделей, дополняя их новыми формами и контекстами употребления.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в течение XX в. НПП претерпела изменения, причем не только в качественном аспекте, но и в количественном. Развитие структур НПП происходило по-разному в русской, английской и американской литературе, однако можно наблюдать и ряд общих тенденций. Все эти моменты необходимо принимать во внимание при переводе художественной литературы в языковой паре «английский – русский», иначе говоря, переводчику при принятии решений следует учитывать не только типологические особенности языков, но и общие характеристики НПП в рамках сложившейся литературной традиции, включая частотность данного художественного приема, а также время написания произведения и особенности индивидуального стиля автора, ведь писатель по тем или иным причинам может отдавать предпочтение определенным моделям функционирования НПП или сократить количество употреблений НПП до минимума.

В дальнейшем количество исследуемого материала может быть расширено в целях получения результатов с меньшей степенью погрешности и анализа особенностей функционирования данного художественного приема в творчестве других писателей.

Источники

- P.A.Y.M. – *Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man.* – London: Penguin Classics, 2003. – 384 p.
- A. – *Чехов А.П. Архиерей* // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Худож. лит., 1962. – Т. 8. – С. 450–466.
- Л. – *Маканин В.С. Лаз* // Маканин В.С. Лаз: Сб. – М.: Вагриус, 1998. – С. 283–362.
- F.S. – *Galsworthy J. The Forsyte Saga.* – Ware: Wordsworth Editions Ltd., 2001. – 736 p.
- T. – *Pratchett T. Truckers.* – N. Y.: Random House, 2018. – 326 p.

Литература

1. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. – Л.: Прибой, 1929. – 188 с.
2. *Молдавская Н.Д.* Несобственно прямая речь // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – С. 238–239.
3. *Шмид В.* Нарратология. – М.: Яз. славян. культуры, 2003. – 312 с.
4. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
5. *Vehmas-Lehto I.* Quasi-Correctness: A Critical Study of Finnish Translations of Russian Journalistic Texts. – Helsinki: Univ. of Helsinki, 2015. – 247 p.
6. *Блинова О.А.* Семантико-стилистические функции несобственно-прямой речи Э. Хемингуэя: попытка классификации // Вестн. Черепов. гос. ун-та. – 2017. – № 1. – С. 87–93.
7. *Цапникова В.М.* Несобственно-прямая речь в ранних произведениях Толстого // Толстовский сборник: Тез. докл. и сообщ. к Толстовским чтениям. – Тула: [Б. и.], 1964. – С. 171–182.
8. *Gunn D.P.* Free indirect discourse and narrative authority in “Emma” // *Narrative.* – Columbus, 2004. – V. 12, No 1. – P. 35–54.

9. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 462 с.
10. *Загрядская Н.А.* Функции несобственно-прямой речи в художественной литературе США начала XX века // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5. – С. 405–407. – doi: 10.24411/1991-5497-2019-00158.
11. *Ковтунова И.И.* «Несобственно-прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX века. – М.: Азбуковник, 2010. – 285 с.
12. *Жилина И.С.* Структурно-семантические особенности несобственно-прямой речи и проблемы ее перевода: на материале художественных текстов XX века английского, немецкого и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 151 с.
13. *Соколова Л.А.* Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. – 281 с.
14. *Cohn D.* Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1978. – 344 p.
15. *McHale B.* Speech representation // The Living Handbook of Narratology. – Hamburg Univ. Press, 2011. – URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/speech-representation>, свободный.
16. *Maier E.* Quotation and unquotation in free indirect discourse // Mind and Language. – 2015. – V. 30, No 3. – P. 345–373. – doi: 10.1111/mila.12083.
17. *Pascal R.* The Dual Voice. Free Indirect Speech and Its Functioning in the Nineteenth-Century European Novel. – Manchester: Manchester Univ. Press, 1977. – 150 p.
18. *Пучнина О.П.* Структурно-семантическая типологизация произнесенной несобственно-прямой речи на материале прозы Марины Цветаевой // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 4-1. – С. 190–201. – doi: 10.12731/2077–1770-2018-4-190-201.
19. *Батура Т.В.* Формальные методы определения авторства текстов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Информ. технологии. – 2012. – Т. 10, № 4. – С. 81–94.
20. Зарубежная литература XX века / Под ред. В.М. Толмачёва. – М.: Академия, 2003. – 640 с.
21. *Зайцев В.А., Герасименко А.П.* История русской литературы второй половины XX века. – М.: Высш. шк., 2004. – 455 с.
22. *Rundquist E.* Free Indirect Style in Modernism: Representations of Consciousness. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 2017. – 197 p.
23. *Успенский Б.А.* Семиотика искусства. – М.: Яз. рус. культуры, 1995. – 360 с.

Поступила в редакцию
26.01.2021

Алимова Анастасия Дмитриевна, преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка, аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, г. Москва, 119034, Россия
E-mail: alimovaad@gmail.com

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.53-64

**Evolution of Free Indirect Speech Structures
in English, American, and Russian Literature**

A.D. Alimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, 119034 Russia

E-mail: alimovaad@gmail.com

Received January 26, 2021

Abstract

Changes that free indirect speech underwent in English, American, and Russian literature during the 20th century were investigated. Both general and more specific (qualitative and quantitative) trends in the free indirect speech development were discussed. Free indirect speech was considered from a diachronic point of view, i.e., the study aims to identify a correlation between the patterns that could be relevant for literary translation from English into Russian and vice versa. Based on the results of the quantitative and qualitative analysis of free indirect speech contexts, it was demonstrated that free indirect speech has evolved. A notable increase in the degree of textual interference and in the variety of models employed was observed. Interestingly, the frequency of occurrence of free indirect speech structures in literary texts varies from decade to decade. Although there are some common trends in free indirect speech usage following the global tendencies in literature, its evolution depends on particular national literary traditions as well. The data obtained show that the most intense usage of free indirect speech segments is typical for the English literature. From the translation perspective, it is important that the general frequency and functional models of indirect speech usage can slightly differ even in texts of the same period or among the writers.

Keywords: free indirect speech, translation, translation studies, linguistics, diachrony, textual interference

Figure Captions

Fig. 1. Changes in the frequency of free indirect speech usage during the 20th century.

References

1. Voloshinov V.N. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the Philosophy of Language]. Leningrad, Priboi, 1929. 188 p. (In Russian)
2. Moldavskaya N.D. Free indirect speech. In: *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Moscow, Prosveshchenie, 1974, pp. 238–239. (In Russian)
3. Schmid W. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki Slav. Kul't., 2003. 312 p. (In Russian)
4. Reformatskii A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Aspekt Press, 1996. 536 p. (In Russian)
5. Vehmas-Lehto I. *Quasi-Correctness: A Critical Study of Finnish Translations of Russian Journalistic Texts*. Helsinki, Univ. of Helsinki, 2015. 247 p.
6. Blinova O.A. Style and semantics of free indirect speech in E. Hemingway's fiction: An attempt of classification. *Vestnik Cherepovetskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2017, no. 1, pp. 87–93. (In Russian)

7. Tsapnikova V.M. Free indirect speech in Tolstoy's early works. *Tolstovskii sbornik: Tez. dokl. i soobshch. k Tolstovskim chteniyam* [Tolstoy Collection of Papers: Proc. Tolstoy Lectures]. Tula, 1964, pp. 171–182. (In Russian)
8. Gunn D.P. Free indirect discourse and narrative authority in "Emma". *Narrative*. Columbus, 2004, vol. 12, no. 1, pp. 35–54.
9. Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka* [The Outlines of English Stylistics]. Moscow, Izd. Lit. Inostr. Yaz., 1958. 462 p. (In Russian)
10. Zagryadskaya N.A. Free indirect speech functions in the American literature of the early 20th century. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, 2019, no. 5, pp. 405–407. doi: 10.24411/1991-5497-2019-00158. (In Russian)
11. Kovtunova I.I. "Nesobstvenno-pryamaya rech'" v yazyke russkoi literatury kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka ["Free Indirect Speech" in the Language of Russian Literature in the Late 18th–First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Azbukovnik, 2010. 285 p. (In Russian)
12. Zhilina I.S. Structural and semantic features of free indirect speech and problems of its translation: Based on the 20th century English, German, and Russian fiction. *Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2015. 151 p. (In Russian)
13. Sokolova L.A. *Nesobstvenno-avtorskaya (nesobstvenno-pryamaya) rech' kak stilisticheskaya kategoriya* [Reported (Free Indirect) Speech as a Stylistic Category]. Tomsk, Izd. Tomsk. Univ., 1968. 281 p. (In Russian)
14. Cohn D. *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1978. 344 p.
15. McHale B. Speech representation. In: *The Living Handbook of Narratology*. Hamburg Univ. Press, 2011. Available at: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/speech-representation>.
16. Maier E. Quotation and unquotation in free indirect discourse. *Mind and Language*, 2015, vol. 30, no. 3, pp. 345–373. doi: 10.1111/mila.12083.
17. Pascal R. *The Dual Voice. Free Indirect Speech and Its Functioning in the Nineteenth-Century European Novel*. Manchester, Manchester Univ. Press, 1977. 150 p.
18. Puchinina O.P. Structural and semantic typologization of free indirect speech in Marina Tsvetaeva's prose. *Sovremennye Issledovaniya Sotsial'nykh Problem*, 2018, vol. 10, no. 4-1, pp. 190–201. doi: 10.12731/2077-1770-2018-4-190-201 (In Russian)
19. Batura T.V. Formal methods of authorship attribution. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Informatsionnye Tekhnologii*, 2012, vol. 10, no. 4, pp. 81–94. (In Russian)
20. *Zarubezhnaya literatura XX veka* [Foreign Literature of the 20th Century]. Tolmachev V.M. (Ed.). Moscow, Akademiya, 2003. 640 p. (In Russian)
21. Zaitsev V.A., Gerasimenko A.P. *Istoriya russkoi literatury vtoroi poloviny XX veka* [History of Russian Literature in the Second Half of the 20th Century]. Moscow, Vyssh. Shk., 2004. 455 p. (In Russian)
22. Rundquist E. *Free Indirect Style in Modernism: Representations of Consciousness*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Co., 2017. 197 p.
23. Uspenskii B.A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow, Yaz. Russ. Kul't., 1995. 360 p. (In Russian)

Для цитирования: Алимова А.Д. Эволюция структур несобственно-прямой речи в английской, американской и русской литературе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 1. – С. 53–64. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.53-64.

For citation: Alimova A.D. Evolution of free indirect speech structures in English, American, and Russian literature. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 1, pp. 53–64. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.53-64. (In Russian)